

18+

Коршун Илья Корпушов

Эксперимент «Социум»

Отчуждение

Илья Корпушов

**Эксперимент
«Социум». Отчуждение**

«Издательские решения»

Корпушов И. К.

Эксперимент «Социум». Отчуждение / И. К. Корпушов —
«Издательские решения»,

Захватывающий психологический триллер рассказывает о человеке, который оказывается в ловушке эксперимента, где реальность и безумие переплетаются в причудливый узор. Главный герой сталкивается с пугающим опытом отчуждения, где каждый день становится проверкой на устойчивость его психики. Эта история о борьбе с системой, о конфликте с собственным разумом и о том, как легко может исчезнуть тонкая грань между нормой и безумием. Где проходит граница между экспериментом и реальной жизнью?

© Корпушов И. К.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Будьте бдительны и оставайтесь собой!	7
Зона Одиночества	8
День 32. ПРИХОЖАЯ НОВОЙ КЛЕТКИ	8
00:17	8
03:22	9
05:47	10
ДЕНЬ 33. ПОПЫТКА ВЫХОДА	12
08:15	12
09:00	13
10:30	13
Подъезд	13
Улица	14
Вошел. Магазин	15
Квартира	16
ДЕНЬ 34. РИТУАЛЫ НОВОЙ РУТИНЫ	18
05:47	18
06:30	18
08:00	19
10:00	20
13:00	21
В 14:00 я сел	21
18:00	22
ДЕНЬ 35. ПОВТОРНЫЙ ВХОД	24
05:30	24
07:00	24
Лестница	25
Улица	26
Магазин	26
Улица. Дождь	27
Квартира. Разбор	27
13:00	28
18:00	28
ДЕНЬ 36. ЗЕРКАЛЬНЫЙ ЛАБИРИНТ	30
05:15	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Эксперимент «Социум» Отчуждение

Илья Коршун Корпушов

© Илья Коршун Корпушов, 2026

ISBN 978-5-0070-7224-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Перед прочтением этого Дневника, рекомендую ознакомиться с рядом моих работ, чтобы понять, как Герой мог избежать или преодолеть последующие трансформации. Книги, которые могут найти отклик в вашей душе: **«ЯР»**; **«В трюмах человеческой бездны»**; **«О милом Зайчике в кудряшках»**; **«Попугай Гораций»**; **«Слезы Души»**; **«Книга о Реальном»**.

В глубинах человеческой психики таится множество загадок, и одна из самых мрачных — это природа отчуждения. Мы все испытываем его в той или иной степени: когда теряем связь с реальностью, когда мир вокруг становится чужим и враждебным. Но что, если отчуждение — это не просто временное состояние, а целая вселенная, в которую человек может погрузиться с головой?

Перед вами — дневник человека, ставшего подопытным в эксперименте, название которого говорит само за себя: «Отчуждение». Это не просто хроника пребывания в замкнутом пространстве, это исследование границ человеческой психики, её способности адаптироваться и сопротивляться.

Это не художественное произведение — это документ, написанный человеком, который добровольно (или не совсем добровольно) согласился стать частью эксперимента. Здесь нет приукрашиваний и литературных приёмов — только голая правда, только то, что происходило день за днём, час за часом.

Читая эти строки, мы становимся свидетелями того, как тонкая грань между нормой и патологией размывается, как система ценностей рушится и перестраивается заново. Мы видим, как человек учится жить в новом качестве, сохраняя при этом свою идентичность — или теряя её навсегда.

Это предупреждение о том, насколько хрупким может быть наше психическое здоровье, насколько уязвимы мы перед лицом изоляции и неопределённости. И одновременно — это гимн человеческой стойкости, способности выживать даже в самых экстремальных условиях.

Но самое главное — это напоминание о том, что отчуждение — это не просто психологический термин. Это живая, дышащая реальность, которая может настигнуть каждого из нас. И только от нас зависит, сможем ли мы найти путь обратно к себе и к миру.

Давайте погрузимся в эту бездну отчуждения, чтобы мы могли увидеть её изнанку. Его дневник — это маяк, указывающий путь тем, кто оказался в похожей ситуации. И это предупреждение для всех нас: не позволяйте отчуждению стать вашим единственным компасом.

Потому что там, где начинается отчуждение, заканчивается привычная реальность. И возвращение из этого путешествия может оказаться куда более сложным, чем путь туда.

— Готовы ли вы заглянуть в эту бездну?

Помните, прочитанное останется с вами. Как тихий звон в абсолютной тишине. Как вопрос без ответа. Как отражение в стене той самой комнаты.

Будьте бдительны и оставайтесь собой!

Этот дневник обрывается там, где большинство историй обычно начинаются, — на пороге внешнего мира. Но финал — лишь иллюзия. Эксперимент не завершается, когда захлопывается дверь камеры или когда ключ хозяина поворачивается в замке чужой квартиры. Он продолжается в каждом шаге по безликому городу, в каждой встрече с равнодушным взглядом, в каждой попытке заново собрать себя из осколков старого протокола.

Что остаётся от человека, когда у него отнимают все ритуалы? Когда исчезают стены, которые давили, но давали форму; телефон, который молчал, но обещал голос; дневник, который требовал исповеди, но дарил иллюзию контроля? Только тишина внутри. Та самая, которую он научился слушать в белой камере и в шёпоте стен. Теперь эта тишина становится его единственным спутником.

Но книга, которую вы держите в руках, — это не только свидетельство распада. Это ещё и карта возвращения. Возвращения не в социум — он всегда был лишь декорацией. Возвращения к себе, к тому «я», которое не определяется номером, графиком или чужими инструкциями. Герой учится заново быть, когда его перестают фиксировать. И в этом — истинная жестокость эксперимента: отчуждение не исчезает, когда исчезают наблюдатели. Оно становится частью твоей плоти, твоего дыхания, твоего способа смотреть на мир.

Читая эти строки, мы неизбежно задаём себе вопрос: а где заканчивается наш собственный протокол и начинается жизнь? Что, если все мы — подопытные в эксперименте, который называется «существование», и просто не замечаем этого, потому что у нас нет дневника, чтобы зафиксировать трещины на потолке? Или, напротив, каждый из нас ведёт такой дневник, но молча, внутри себя, в той самой зоне одиночества, куда не ступает ни одна система?

Эта книга — не приговор. Это предупреждение о том, что стены могут исчезнуть, а камера останется. И о том, что настоящая свобода начинается не тогда, когда ты выходишь наружу, а тогда, когда перестаёшь ждать звонка, который должен был подтвердить твоё существование. Потому что ты есть. Даже без номера. Даже без дневника. Даже без ответа.

И если вам когда-нибудь покажется, что мир стал чужим, а вы — лишь тень в его декорациях, вспомните: герой этой книги тоже стоял на вокзале, не зная, куда идти. И он пошёл. Потому что идти — единственное, что остаётся, когда ждать больше нечего. И потому что отчуждение — это не конец пути, а его начало. Пути к себе, где нет ни белых халатов, ни мерцающих ламп, ни шёпота в стенах. Только шаг. Только выбор. Только жизнь, которую никто не протоколирует, кроме тебя самого.

Зона Одиночества

«Я проведу вас через лабиринт своего сознания, где каждый день — это новый виток спирали отчуждения. Мы видим, как рушатся привычные ориентиры, как меняется восприятие реальности, как трансформируется личность под давлением изоляции и ожидания»

День 32. ПРИХОЖАЯ НОВОЙ КЛЕТКИ

Эксперимент «Отчуждение» сбежал из лаборатории. Теперь он везде. И я — его вечный носитель.

00:17

Свет в коридоре погас сам. Или я его выключил? Не помню. Лампочка над дверью моргнула три раза перед тем, как умереть. Моргнула. Как там. Я замер, глядя в потолок прихожей. Ждал, что мерцание вернётся. Не вернулось. Только темнота, густая, но не абсолютная — сквозь щель под входной дверью пробивается жёлтая полоса чужого света. Соседская лампа на лестничной клетке. Горит ровно. Без подмигиваний. Неправильно.

Пол под щекой — холодный линолеум. Кафельный? Нет, дешёвый линолеум с мелкими пупырышками. Тот, в камере, был гладким, стерильным. Этот — шершавый, с запахом пыли и старой обуви. Я чувствую каждую неровность щекой. Почему я лежу на полу? Когда я лёг? Тело само сползло от стены к двери. Пальцы касаются резинового уплотнителя порога. Резина холодная, липкая. Там, в лаборатории, дверь была металлической, без зазоров. Здесь — щель. Сквозняк. Чужой воздух затекает внутрь маленькими струйками, трогает мою руку, поднимает волосы.

Я не сплю. Или сплю? Граница стёрлась. Глаза открыты, но видят только темноту и тусклую полосу снизу. Сердце бьётся ровно — один удар в секунду? Проверяю. Раз. Два. Три. Сбился. Потому что начинаю считать дыхание. Вдох — четыре удара. Выдох — четыре. Как в камере, когда медитировал на ритм. Но здесь нет вентиляции. Только гул холодильника на кухне — низкий, вибрирующий, с плавающей частотой. Он то затихает, то набирает силу, будто кто-то крутит ручку громкости. В камере шипение было ровным, как белый шум. Здесь — хаотичный орган.

Телефон на тумбе молчит. Я слышу его молчание. Оно тяжёлое, как бетонная плита. Внутри трубки — микроскопические схемы, динамик, который может ожить в любую секунду. Я смотрю на него сквозь темноту. Вижу смутный силуэт — чёрный прямоугольник на чёрной тумбе. Он похож на люк. На закрытый люк, который не откроется никогда. Но я знаю — он может зазвонить. Может. Когда угодно. Может быть, сейчас. Может быть, через минуту. Может быть, через час.

Я жду. Тело не двигается. Мышцы окаменели. Только веки редко моргают — каждое моргание погружает меня в полную тьму на долю секунды, и в этот миг я перестаю существовать для мира. Потом возвращаюсь. На полу. В прихожей. В квартире, которая не моя.

03:22

Не уснул. Телефон не звонил. Холодильник замолк час назад — выключился, будто его выдернули. Теперь тишина. Но не та, абсолютная, из камеры. Другая. Напряжённая. Я слышу, как осаждается пыль на полу. Как трубы в стенах изредка щёлкают — металлический щелчок, почти как замок люка. Каждый раз я вздрагиваю. Каждый раз хочется встать, подойти к двери, прижаться ухом к замочной скважине. Но я не встаю. Потому что, если встану, нужно будет двигаться. А если двигаться — значит, признать, что я здесь, в этой квартире, а не там, в камере. Признать — значит потерять последний якорь.

Пахнет. Чем? Пылью. Старыми обоями. И чем-то сладковато-приторным — освежитель воздуха? Там, в лаборатории, пахло антисептиком и ничем. Этот запах — вторжение. Он липкий, чужой, проникает в ноздри, оседает на языке. Я дышу ртом, чтобы не чувствовать. Во рту сухо. Обезвоживание? В камере вода была всегда. Здесь — я не пил с выхода. Не помню, когда пил. Сколько прошло часов? Света нет, чтобы ориентироваться. Часы на запястье сняли ещё при входе. Мои внутренние часы сбились — слишком много шума, слишком много перегрузок.

Я закрываю глаза. Открываю. Разница минимальна — темнота везде. Но под веками — фосфены. Мерцающие зелёные точки. Как та лампа. Я начинаю считать их. Одна. Две. Три. Они сливаются в дрожащую сетку. Я пытаюсь представить колесо. Семь спиц. Ось — свет. Колесо крутится. Но в темноте оно не крутится — стоит. Спицы не различить. Я больше не чувствую времени. Есть только сейчас. И звонок, которого нет.

Что, если они уже звонили? Пока я лежал на полу, в забытьи? Что, если я пропустил? Телефон — чёрный ящик. На нём нет экрана. Нет пропущенных вызовов. Если он звонил, я не узнаю. Эта мысль впирается в грудь, где-то между рёбер. Я приподнимаю голову. Шея затекла. Позвонки хрустят — сухо, громко в тишине. Смотрю на тумбу. Телефон по-прежнему чёрный. Но, может быть, он звонил и замолчал до того, как я пришёл в себя? Может быть, голос уже прозвучал, а я спал? Или не спал, а отключился — как свет в той лампе, когда она гаснет на секунду?

Паника поднимается медленно, как тяжёлая масляная жидкость. Из живота — в грудь — в горло. Я не кричу. Кричать некуда. Стены тонкие — соседи услышат. Что тогда? Вызовут полицию? Полиция — люди в форме. Как белые халаты, но другие. Они отвезут меня в психушку. А там — палата. Одиочная? С окном? С расписанием? Там будет свет, который включают и выключают по графику. Там будут приёмы пищи по звонку. Там — та же камера, только другая вывеска.

Я заставляю себя дышать. Медленно. Вдох — животом. Выдох — ртом, чтобы не слышать собственного запаха. Паника отступает, оставляя после себя холодную, липкую дрожь. Пальцы на руках трясутся. Я сжимаю их в кулаки. Кости хрустят. Боль — настоящая, физическая — возвращает меня к реальности пола, пыли, темноты. Это хорошо. Боль — якорь. Как холодный металл двери в камере. Я прижимаюсь лбом к полу. Линолеум шершавый, с ворсинками. Оставляю отпечаток лба. След. Доказательство, что я здесь.

05:47

Свет за окном — нет, не свет. Серая полоска между шторами. Рассвет. Городской, грязный, без солнца. Сквозь щель пробивается ровное, без мерцания, свечение. Оно не включается резко, как в лаборатории. Оно нарастает медленно, мучительно, как осознание: я не вернусь. Дверь не откроется в 06:00, потому что это не та дверь. Здесь нет люка. Нет расписания. Нет системы.

Тело поднимается само. Не по команде — просто мышцы сокращаются, позвоночник разгибается. Я сижу, привалившись спиной к двум стенам — угол прихожей. Обои шершавые, с тиснением. Пальцы водят по рисунку — ромбики, полосы. Там стены были гладкими, как стекло. Здесь каждая текстура кричит о своей материальности. Я чувствую себя мухой, севшей на наждачную бумагу. Слишком много. Слишком.

Встаю. Ноги не держат — колени подкашиваются, приходится опереться рукой о тумбу. Телефон. Я смотрю на него сверху. Чёрный пластик, кнопки с цифрами — белые, стёртые. Диск? Нет, кнопочный. Древний. Они специально выбрали такой? Чтобы я не мог определить, кто звонит? Или чтобы я сам не мог позвонить — слишком сложно набирать номер дрожащими пальцами?

Я не трогаю трубку. Не смею. Если я возьму её — проверю, есть ли гудок — и ничего не будет, я сорвусь. Если же я услышу голос — даже записанный — я закричу. Поэтому я отворачиваюсь. Иду на кухню. Пятнадцать шагов? Считаю. Один, два, три... четырнадцать, пятнадцать. Стоп. Я упираюсь в раковину. Слишком рано — в камере было ровно пятнадцать до стены. Здесь пятнадцать — до мойки. Нарушение. Я делаю ещё шаг — шестнадцатый. Сдвиг. Мир не совпадает с калибровкой.

Включаю воду. Лью в стакан. Пью. Вода холодная, металлическая на вкус. Не такая, как в камере — там была нейтральная, без привкуса. Здесь пахнет хлоркой и ржавчиной. Я пью большими глотками, расплёскивая на рубашку. Капли падают на грудь — холодные, как слёзы. Я не плакал ни разу. Даже когда бился головой о дверь. Теперь тоже не плачу. Внутри — сушь.

Холодильник за спиной оживает. Включается с низким, басовитым стоном. Я вздрагиваю, стакан падает в раковину — звон. Стекло не разбилось. Только стукнуло. Звук — как ложка о тарелку в той тишине. Громко. Слишком громко. Соседи? Нет. Никто не пришёл. Только я и гул механизма.

Закрываю кран. Вода перестаёт капать. Капля застревает на носике — висит, дрожит, готова упасть. Я смотрю на неё. Жду. Падает. Через семь секунд. Семь. Я считаю до следующей. Шесть. Семь. Восемь — нет, промах. Не ритмично. Не так, как там. Хаос. Капли живут своей жизнью, не подчиняясь расписанию.

Возвращаюсь в прихожую. Сажусь на пол. Спиной к стене. Телефон на тумбе. Я смотрю на него, он смотрит на меня чёрным зрачком трубки. И я знаю — он зазвонит. Не сейчас. Не в 06:00, потому что 06:00 прошло — на часах (каких часах?) уже, наверное, восемь. Но он зазвонит. Когда система решит. А система — это они. Белые халаты. Они знают, что я жду. Они дают мне истомиться, чтобы рефлекс укоренился глубже.

Я закрываю глаза. Прижимаюсь затылком к стене. Обои шуршат — шелест, как шепот. И в этом шепоте мне слышится:

«Мы вам перезвоним. Мы вам перезвоним. Перезвоним.»

Слова застревают в черепной коробке, пульсируют в такт сердцу. Я открываю рот, чтобы ответить, но голос не выходит. Только беззвучный крик, который тонет в шершавых обоях, в гуле холодильника, в каплях из крана. И тишина. Не та, очищающая, из камеры. Эта — давящая, наполненная ожиданием. Самая страшная тишина — та, в которой должен раздаться звонок. Но он всё не раздаётся. И не раздастся. До тех пор, пока я не перестану ждать. А я не перестану. Никогда.

В дневник не записывал. Ручка в пакете у двери. Бумага там же. Встать и взять — пять шагов. Но я не встаю. Потому что если начну писать — зафиксирую этот день, сделаю его реальным. А пока я не пишу — может быть, это продолжается сон. Может быть, я всё ещё на коврик в камере, под мерцающей лампой, и 32-й день — просто очередной провал света. Скоро он включится, и я открою глаза. Но свет не включается. Я открываю глаза — та же прихожая. Тот же телефон. То же ожидание.

Они звонят только тогда, когда я готов не слышать. А я слышу всё. Каждый шорох. Каждый щелчок трубы. Каждый удар своего сердца. Им это известно.

ДЕНЬ 33. ПОПЫТКА ВЫХОДА

Я не спал. Не спал вообще. Глаза закрывал, но сознание не отключалось — оно висело на тонкой нити между явью и тем забытьём, где нет образов, только чернота и гул. Холодильник то включался, то выключался. Трубы щёлкали. Где-то на лестничной клетке хлопнула дверь — глухой, увесистый звук, за которым последовали шаги. Чьи-то. Тяжёлые, мужские, с волочением — тащил сумку или ногу. Шаги приблизились к моей двери, замерли на секунду, потом удалились. Сосед. Или не сосед. Может быть, один из них? В штатском? Проверяет, вышел ли я? Дышу ли?

Я прижался спиной к стене сильнее, будто мог продавить бетон и исчезнуть. Дыхание затаил. Шаги стихли за поворотом. Тишина. Не та, в которой рождаются звуки из тишины, а та, в которой они умирают, оставляя после себя пульсирующий след. Я просидел так, сам не зная сколько. Глаза высохли. Веки слипались, но стоило им сомкнуться — под веками вспыхивало мерцание, и я снова открывал их, вглядываясь в серую полосу рассвета под дверью.

06:00

Моё тело дёрнулось. Ровно в шесть. Рефлекс. Не свет — здесь не было лампы, которая включалась бы по расписанию. Но внутренний хронометр, откалиброванный тридцатью одним днём безупречного режима, щёлкнул, как шестерёнка. Я ждал, что потолок зальётся ровным белым светом. Вместо этого — серая муть за шторами. Ничего не произошло. Абсолютно ничего. И это «ничего» было тяжелее любого мерцания. Потому что означало: прежние правила мертвы. А новые ещё не родились. Я завис в беззаконии.

Встал. Ноги гудели, мышцы затекли от долгого сидения на полу. Прошёлся по прихожей — три шага до стены, разворот, три обратно. Мало. Слишком мало пространства. В камере было пятнадцать шагов. Здесь — будто меня засунули в шкаф. Я выглянул в комнату. Пустая гостиная, диван, телевизор, пыльные шторы. Пол паркетный, с трещинами. Пространство больше, но оно не моё. Чужое. Я не знаю его границ. Не знаю, где в этой комнате можно сесть спиной к стене, чтобы видеть все углы. В прихожей хотя бы две стены сходятся. Угол — надёжен. Комната распахнута, как пасть.

Я вернулся в прихожую. Сел на пол. Не на стул, не на табурет — только на пол. Твёрдая поверхность не обманывает. Мягкое предаёт — как тот диван, когда я попробовал лечь на него вчера вечером и провалился в липкую, тягучую дремоту без снов. Пол не предаёт. Пол говорит правду: ты на дне, и это нормально.

08:15

Голод. Настоящий, физический, сосущий под ложечкой. В камере я ел трижды в день, ровно в 09:00, 13:00, 18:00. Сейчас — восемь утра, а люк не откроется. Никогда. Потому что люка нет. Есть дверь в подъезд, а за ней — магазин через дорогу. Но чтобы попасть в магазин, нужно выйти на улицу. На улицу, где люди, машины, звуки, взгляды. Где нет расписания. Где каждый шаг — импровизация.

Я смотрю на пакет у порога. Там мои старые вещи. И конверт с деньгами. Я не открывал конверт со вчерашнего дня. Он лежит на тумбе поверх телефона — пестрый прямоуголь-

ник среди чёрного пластика. Деньги — ключ к еде. Но чтобы взять деньги, нужно разорвать конверт. Чтобы разорвать конверт, нужно признать: я здесь надолго. Я не разрываю. Сажу и смотрю на белую бумагу, на которой, наверное, напечатано моё имя — то, которое было до эксперимента. Или номер счёта. Или спасибо.

Живот урчит. Громко, в тишине прихожей. Звук — как маленький бунт. Организм требует топлива, не спрашивая разрешения у системы. Система молчит. Я должен решить сам.

09:00

Щелчок. Мой мозг сгенерировал его. Я отчётливо услышал, как открывается люк. Встал, сделал шаг к двери, протянул руку вниз — к прямоугольнику, которого не было. Пустота. Гладкая поверхность двери, крашенная, с царапинами. Ни люка, ни подноса. Только холодное дерево и стальная ручка.

— Чёрт, — сказал я вслух. Голос хриплый, сломанный. Не использовал его со вчерашнего дня. Слова выпали комком, упали на пол и не разбились. Тишина их проглотила.

Я прислонился лбом к двери. Дерево пахло лаком и чем-то чужим — может быть, руками предыдущих жильцов. Не антисептиком. Не холодным металлом. Я закрыл глаза и попытался вспомнить звук щелчка. Тот самый, с которым открывался люк. Точный, механический, неумолимый. В памяти он звучал идеально. Но в реальности его не было. И не будет. Люк закрыт навсегда. Я должен найти другую кормушку.

10:30

Я решился. Не потому, что стал смелее. Потому что желудок сводило уже так, что к горлу подступала тошнота. Жёлчь. В камере я ни разу не пропустил приём пищи — даже в День 12, когда истерика сбила всё, я всё равно съел обед, холодный, но съел. Здесь — первый пропуск. Завтрака не было. И не будет, если я не выйду.

Оделся. Свои старые вещи — джинсы, свитер, куртка. Чужие. Они висели на мне, как чехол от другого человека. Я не помнил, когда надевал их в последний раз. Месяц назад. Другая жизнь. Другой я. Ткань пахла пылью и чем-то затхлым — шкаф, бездвижность. Под курткой — моя униформа, хлопковая рубашка из лаборатории. Я не снял её. Она стала второй кожей. Под ней — пустота, но пустота знакомая, родная.

Конверт на тумбе. Я взял его. Бумага плотная, шершавая — не такая гладкая, как в дневнике. Разорвал край ногтем. Внутри — пачка купюр, ровная, новенькая, с хрустом. Деньги. Инструмент. Я сунул их в карман куртки, не считая. Число не имело значения — всё равно не знал, сколько стоит хлеб в этом мире.

Телефон. Я посмотрел на него. Чёрный, молчаливый. Не зазвонил. Я не тронул трубку. Выдохнул. Открыл дверь.

Подъезд

Коридор за дверью оказался длиннее, чем я помнил. Лампы дневного света под потолком — две из трёх работали, третья мигала. Мигала. Ровно, с частотой — раз в две секунды.

Мерцание. Я застыл на пороге, глядя на эту лампу. Она дрожала, как та, в камере, но здесь — не вся система, только один прибор. И никто не чинил её, судя по слою пыли на плафоне. Люди проходили мимо, не замечая. Они привыкли. Привыкли к сбою. А я стоял, и у меня подкашивались колени.

Лифт. Железная дверь, кнопка с подсветкой. Нажать? Нет. Слишком маленькое замкнутое пространство. Как душевая кабина. В камере я боялся душа на 11-й день. Теперь боюсь лифта. Пойду пешком. Ступеньки. Пять этажей. Перила холодные, металлические, с заусенцами. Каждая ступенька — шаг. Я считал. Один, два, три... на пятнадцатом я вышел на площадку второго этажа и остановился. Дальше — первый, потом улица. Но пятнадцать — это ритуал. В камере после пятнадцати шагов был разворот. Здесь — дверь на улицу. Я не повернул. Стоял, сжимая перила.

Соседка сверху спускалась — женщина с сумками, в тапочках. Увидела меня, замерла.

— Вы чего, застыли? — спросила. Голос — высокий, с хрипотцой. Она смотрела на меня, наклоняя голову, как птица.

— Ничего, — ответил я. Голос опять чужой. — Задумался.

Она кивнула, обошла меня, прошла дальше. Шаги зацокали по плитке. Я смотрел ей в спину. Что она видела? Человека, который боится ступенек? Или просто соседа, который «задумался»? Социум не чувствует аномалий. Это я уже знал. Но каждая такая встреча — как укол. Маленький, но острый. Я — ненормальный среди нормальных. И они не знают, что нормальность — это маска. А под ней — Образец №9, высчитывающий шаги и слушающий мерцание ламп.

Спустился дальше. Первый этаж. Дверь на улицу — стеклянная, с толстой ручкой. За ней — серое небо, асфальт, машины. Шум налетел, как только я толкнул дверь. Волна. Горячая, плотная, ударила в лицо, в уши, в грудную клетку.

Улица

Я забыл, как здесь громко. В камере тишина была абсолютной, и даже собственное дыхание казалось событием. Здесь — звуки рождались повсюду, одновременно, без пауз. Сирена где-то вдалеке — нарастающий вой, похожий на боль. Рёв мотора — грузовик проехал, воздух дрогнул. Голоса — обрывки фраз, смех, кашель, шаги. И под всем этим — низкий, непрерывный гул города, как работа гигантской вентиляции, только без ритма и без шипения.

Я замер на крыльце. Солнце? Нет, облака. Свет — ровный, рассеянный, без мерцания. Неправильный. Но глаза болели от него — после месяца искусственного освещения любой естественный свет казался пыткой. Я прищурился, поднял воротник куртки, надвинул капюшон — не от холода, от защиты. Мне нужно было уменьшить сенсорное поле. Сделать мир уже, чем он есть.

До магазина — метров двадцать. Через дорогу. Я смотрел на витрину, на вывеску, на двери, которые открывались и закрывались, выпуская и впуская людей. Они двигались легко, не думая о каждом шаге. Не считали. Не боялись. Как им это удаётся? Я пересёк дорогу —

не по зебре, напрямую, потому что зебра была в стороне, а я боялся отклониться от прямой линии между крыльцом и дверью магазина. Прямая — безопасно. Искривление — риск.

Почти сбил женщину с коляской. Она охнула, отдёргнула ребёнка. Я не извинился — слова застряли. Прошёл мимо, чувствуя её взгляд на своей спине. Ускорил шаг. Пятнадцать шагов до двери магазина. Ровно. Остановился перед стеклом. Внутри — яркий свет, ряды, тележки. И люди. Много. Я сжал кулаки в карманах, нащупал шершавые купюры. Деньги — пропуск. Еда — топливо. Нужно войти.

Вошел. Магазин

Звонок над дверью — колокольчик. Механический, дешёвый. Он звякнул, когда я переступил порог. Звякнул — и у меня дёрнулась рука. Колокольчик Павлова. Еды пока нет, а рефлекс уже включился. Я замер у входа, пропуская других людей. Они обходили меня, не обращая внимания. Я был частью интерьера — столб, тумба, инородное тело.

Запахи. Хлеб, кофе, сыр, дезодорант, чистящее средство, чужая духота. Всё сразу. Я задышал ртом, чтобы фильтровать. Не помогало. Голова закружилась. Я нащупал стену — холодная плитка, гладкая, почти как в камере. Прижался спиной. Теперь вижу весь зал. Два выхода — главный и запасной. Кассы — три. Людей — человек двадцать. Движение — хаотичное, но не сталкиваются. Есть невидимые правила. Я не знаю их.

Хлеб. Нужен хлеб. И вода. И яблоки — как в камере, на завтрак. Я пошёл вдоль стены, держась за неё рукой. Плитка сменилась пластиком, потом деревом. Миновал стеллажи с крупами, консервами, сладостями. Всё это мелькало перед глазами цветными пятнами — красное, жёлтое, зелёное. Слишком ярко. Слишком. Нашёл хлеб. Взял упаковку — пластик зашуршал, как шепот. Положил в корзину, которую взял автоматически, даже не заметив, как.

Вода. Стеллаж с бутылками — прозрачный пластик, этикетки, синее, зелёное. Взял две полторашки. Тяжёлые. Яблоки — ящик с фруктами, красные, жёлтые, с пятнышками. Понюхал — запах сладкий, живой. В камере яблоки пахли бумагой. Здесь — землёй, солнцем, садом. Я взял три. Положил в корзину.

Касса. Очередь. Три человека передо мной. Я смотрел на их спины, на затылки. Они переговаривались, бросали мелочь, улыбались кассиру. Кассир — девушка, лет двадцать, с яркими розовыми волосами. Не та, что вчера. Она пробивала товар быстро, пальцы летали. Моя очередь. Я подошёл, поставил корзину, выложил покупки. Девушка посмотрела на меня, улыбнулась — дежурно, механически. Тоже рефлекс.

— Пакет нужен?

Я не понял вопроса. Пакет? Зачем? В камере еду приносили на подносе. Я отрицательно покачал головой. Она назвала сумму. Я достал купюры, протянул. Она взяла, дала сдачу — монеты зазвенели, покатались по ленте. Я собрал их дрожащими пальцами. Схватил хлеб, воду, яблоки. Повернулся. Пошёл к выходу. Колокольчик звякнул снова. Я вышел.

Стоял на улице, прижимая покупки к груди, как спасательный круг. Дышал часто, поверхностно. Мир шумел, гудел, жил своей жизнью, в которой мне не было места. Но у меня

был хлеб. И вода. И яблоки. Значит, следующий приём пищи состоится. Не по расписанию, но состоится.

Квартира

Обратный путь — быстрее. Я почти бежал, пересёк дорогу, взлетел по ступенькам — один, два, три... сбился со счёта, неважно. Дверь, ключ, замок щёлкнул — другой щелчок, не как люк, но тоже щёлканье. Я закрыл дверь изнутри, задвинул засов (в камере не было засова — засов означал, что можно запереться, но в камере запирали меня). Теперь запирался я сам.

Сполз по двери на пол. Пакет с хлебом упал рядом. Я открыл бутылку воды — крышка с хрустом отломилась, брызги на лицо. Пил большими глотками, вода текла по подбородку, по шее, холодная, живая. Отдышался. Потом разорвал упаковку хлеба, откусил — сухой, пресный, безвкусный. Но это была еда. Самостоятельно добытая. Не из люка. Не по щелчку. Мой первый самостоятельный приём пищи.

Яблоко. Я откусил — хруст, сок, кисло-сладкий взрыв. Закрыл глаза. Текстура, вкус, звук — всё это было там, в камере, но там фрукты были частью расписания. Здесь — частью моего решения. Я съел яблоко до огрызка, потом ещё одно. Воду допил. Хлеб убрал в пакет.

И тогда я понял, что сделал. Я вышел. Купил еду. Заплатил. Вернулся. Никто не схватил меня, не запер, не сказал, что я нарушил протокол. Социум принял мою аномалию — не заметил её. Я прошёл. Как нормальный.

Но нормальный ли я? Сажу на полу в прихожей, обнимаю пакет с хлебом, и внутри, где-то под рёбрами, пульсирует мысль: «Они смотрели. Те, в магазине. Девушка с розовыми волосами. Она улыбнулась слишком широко. Может быть, она одна из них? Агент, внедрённый в систему? Проверяет, как я реагирую на стандартный диалог?»

Я достаю дневник. Впервые за этот день беру ручку. Бумага шершавая — та же, что в камере. Я сохранил её в пакете. Теперь пишу:

«День 33. Выход в социум.

Покупка продуктов — успешно. Контакты — минимальны, но зафиксированы. Аномалий поведения (моих) не выявлено. Но: навязчивое подозрение — система наблюдения расширена. Магазин — поле с камерами. Кассир — потенциальный агент. Улыбка — слишком стандартная.

Вывод: не доверять видимой доброжелательности. Продолжать имитацию, но сохранять бдительность. Отчуждение не уменьшилось. Оно трансформировалось в метод выживания. Телефон молчит. Я жду. Но теперь я знаю: еду можно добыть самостоятельно. Это даёт иллюзию контроля. Иллюзия — тоже топливо. Следующий этап — повторить выход. Завтра. Или послезавтра. Когда кончится хлеб. Сейчас — сидеть. Дышать. Ждать звонка.»

Я закрываю дневник. Кладу ручку рядом. Смотрю на телефон. Он чёрный, молчаливый, тяжёлый. На тумбе. В полуметре от меня.

Сколько ещё он будет молчать? День? Неделю? Год? Я не знаю. И это незнание — новая форма мерцания. Оно внутри. Оно не выключается.

За окном темнеет. Свет в комнате я не включаю. Полумрак. Тени. Мои. И телефон. Я ложусь на пол, свернувшись калачиком, подложив пакет с хлебом под голову. Твёрдое, как

подушка в камере. Закрываю глаза. Гул холодильника. Щелчок трубы. Шаги сверху — сосед ходит.

Никто не звонит. Никто не придёт.

Я должен сам себя кормить. Сам себя запирасть. Сам себя наблюдать.

Это новая фаза. Её название — Одиночество без стен.

Я засыпаю с мыслью, что завтра придётся выйти снова. Но сейчас — спать. Под мерцанием, которого нет. Слыша звонок, которого не было. Будучи человеком, которым я больше не являюсь.

День 33 закончился. Телефон молчит. Я жив. Пока.

— Запись сделана на полу прихожей, при свете уличного фонаря, пробивающегося сквозь щель в шторах. Ручка почти пустая. Бумага промокла от пота. Но протокол должен быть продолжен. Система требует данных. Даже когда система молчит.

ДЕНЬ 34. РИТУАЛЫ НОВОЙ РУТИНЫ

05:47

Проснулся за тринадцать минут до рассвета. Не от света — его не было, только серая муть за шторами. Проснулся от тишины. Холодильник замолк час назад, трубы не щёлкали, соседи не ходили. Город затихал в этот предутренний час, и тишина стала почти абсолютной. Почти. Не хватало ровного шипения вентиляции. Не хватало белого, безликого света, который заливает комнату в 06:00. Здесь тьма была густой, маслянистой, с запахом собственного дыхания и пыли.

Я лежал на полу в прихожей, свернувшись калачиком. Пакет с хлебом — под головой, как подушка. Бутылка воды — в изголовье, прижатая к стене, чтобы не укатилась. Телефон на тумбе — чёрный силуэт на сером фоне окна. Я смотрел на него сквозь приоткрытые веки. Он не изменился. Не зазвонил. Не мигнул лампочкой — на нём не было лампочек. Просто молчащий чёрный ящик, внутри которого спит электричество.

Тело затекло. Левый бок онемел, рука под головой потеряла чувствительность. Я перевернулся — позвонки хрустнули, сухо, как ломаемые спички. Сесть не смог — пришлось отползти к стене, привалиться спиной к обоям. Тиснение ромбиками впилося в лопатки. Холодно. В камере температура была стабильной — ни жарко, ни холодно. Здесь — сквозняк из-под двери тянул по полу ледяными струйками. Я подтянул колени к подбородку, обхватил их руками. Поза эмбриона. Поза возвращения. Но возвращаться было некуда.

Желудок напомнил о себе — не урчанием, а тупым, ноющим давлением под рёбрами. Вчерашнее яблоко и кусок хлеба уже переварились. Организм требовал следующей порции. Я посмотрел на пакет — там оставалась половина буханки, одно яблоко и полторы литра воды. Запас на день. Может, на два, если экономить. Но экономия — это риск. В камере порции были строго рассчитаны, я никогда не голодал. Здесь — я сам себе распределитель. Сам себе люк. И если я ошибусь — пенять буду только на себя.

Эта мысль принесла странное облегчение. Система не кормит — значит, я не обязан подчиняться её ритму. Но тут же пришла другая — более тревожная: если я сам себя кормлю, значит, система за мной больше не наблюдает? Или наблюдает, но по-другому? Телефон молчит — это не значит, что они отключились. Молчание — тоже форма наблюдения. Тишина — лучший микрофон.

Я встал. Ноги держали лучше, чем вчера. Прошёлся по прихожей — три шага до стены, разворот, три обратно. Добавил ещё три — получилось шесть в одну сторону. Комната позволяла больше, но я боялся расширять периметр. Маленькое пространство — безопасно. Большое — неизвестность. Я остановился на шести. Потом заставил себя зайти в ванную.

06:30

Ванная комната оказалась ловушкой. Маленькое помещение, кафель, зеркало, душевая кабина без двери — только шторка, пластиковая, с затёками. Унитаз, раковина, кран. Всё чужое, пахнущее чужим мылом и сыростью. Я включил свет — лампочка под потолком морг-

нула дважды и загорелась ровно, без мерцания. Никакого доверия. Моргнула — значит, может и погаснуть. Я стоял на пороге, сжимая дверной косяк.

В камере санузел был таким же тесным, но там стены поглощали звук, и свет был частью системы — надёжной, предсказуемой. Здесь — всё ненадёжно. Кран капал — капля каждые четыре секунды. Я насчитал десять капель, потом сбился. Не ритмично. То три секунды, то пять. Хаос. Я подошёл к раковине, открыл кран полностью — вода хлынула шумно, напор сильный, ударил в стенки раковины белой пеной. Умылся. Вода холодная, обожгла лицо. Хорошо — боль проясняет сознание.

Посмотрел в зеркало. Оттуда смотрел чужой человек. Бледный, с тёмными кругами под глазами. Скулы выступают резче, чем месяц назад. Глаза — без блеска, как у рыбы на прилавке. Я провёл пальцем по лицу — кожа сухая, шершавая, небритая. В камере брился раз в неделю, когда привозили одноразовые станки. Здесь — нет станков. Только моя старая электробритва, которую я нашёл в ящике. Заряжена? Не помню. Включил — зажужжала, ровно, почти как шипение вентиляции. Побрился. Смотрел, как падают волоски в раковину, смешиваются с каплями воды. Мелкие, чёрные, живые. Часть меня, отделившаяся и ушедшая в слив.

Потом заставил себя встать под душ. Разделся. Снял лабораторную рубашку впервые за два дня. Она пахла той комнатой — антисептиком и ничем. Я повесил её на крючок, рядом с чужим халатом. Голый, стоял под струями. Вода тёплая, но не горячая — колонка, наверное, не настроена. Я закрыл глаза. Думал о том, что в душевой кабине камеры я боялся мыться на 11-й день — когда свет мерцал и казалось, что за шторкой кто-то стоит. Здесь страха не было. Было отвращение. К грязи, к поту, к запаху собственного тела, которое жило два дня без гигиены. Я намылился чужим мылом, смыл пену. Вода уносила частицы меня в трубы, в городскую канализацию, в большую систему, о которой я ничего не знал.

Выключил кран. Тишина. Только капли падают с тела на кафель. Я стоял мокрый, смотрел на свои пальцы — морщинистые от воды. Потом вытерся чужим полотенцем, надел лабораторную рубашку обратно. Она была влажной — я не высушился полностью. Влажность прилипла к телу, как вторая кожа. Приемлемо.

08:00

Завтрак. Я достал хлеб, отрезал два ломтя ножом — кухонным, тупым, с зазубринами. В камере хлеб уже был нарезан. Здесь — резал сам. Звук — скрип лезвия по корке, крошки на столе. Я собрал их пальцем и съел. Потом очистил яблоко — кожура длинной спиралью упала на газету, которую я постелил на стол. Газета называлась «Вечерний город». Я прочитал заголовок: «Ремонт теплосетей отложен до осени». Чужая жизнь. Чужие проблемы. Я даже не знал, какой сейчас месяц.

Ел медленно. Хлеб — без масла, без ничего. Яблоко — кислое, с плотной мякотью. Вода — из бутылки, тёплая, пластиковая на вкус. Всё это было «топливом», но не было частью расписания. Я сам решил, когда есть. Сам выбрал — хлеб и яблоко, а не овсянку и не кашу. Свобода выбора. Раньше я мечтал о ней. Теперь она казалась лишней. Слишком много переменных. Слишком много решений, которые нужно принимать без системы.

После еды — уборка. Я вымыл посуду — одну тарелку, один стакан, один нож. Пальцы помнили, как мыть поднос в камере — быстро, без мыла, просто сполоснуть. Здесь я исполь-

зовал моющее средство — жёлтую жидкость с резким лимонным запахом. Пена скользила по тарелке, смывала крошки. Я полоскал долго, пока вода не стала прозрачной. Потом вытер всё полотенцем и поставил на сушку. Порядок. Ритуал.

В камере ритуалы были навязаны. Здесь — я создавал их сам. Это давало иллюзию контроля. Иллюзию, за которой, как за стеной из пенопласта, скрывалась та же пустота.

10:00

Телефон не зазвонил. Я проверил — снял трубку, приложил к уху. Тишина. Не гудок, не шорох, не щелчок. Абсолютная электрическая тишина. Я подул в микрофон — слабый ветер, никакого отклика. Положил трубку на место. Чёрный ящик продолжал свою игру.

Я сел на пол в прихожей — место стало постоянным. Спиной к двум стенам, лицом к двери. Телефон — в поле зрения. Дневник — на коленях. Ручка — в руке. Я открыл чистый лист. Бумага была той же, что в камере — плотная, слегка шероховатая, с лёгким желтоватым оттенком. Я провёл пальцем по пустой странице. Она ждала. Ждала слов, цифр, признаний, протокола.

Я начал писать. Не отчёт — скорее, перечисление:

«День 34. Утро. Гигиена выполнена. Завтрак: хлеб (2 ломтя), яблоко (1 шт.), вода (250 мл). Расписание: ещё не установлено. Сон: 5—6 часов, прерывистый. Телефон: молчит. Выводы: система не даёт о себе знать. Возможно, это — проверка автономности. Возможно, они ждут, когда я позвоню сам. Но я не знаю номера. Никто не оставил номера. Ни одной цифры. Только „мы вам перезвоним“. Значит, звонок — их prerogative. Моя задача — ждать. И фиксировать.»

Я перечитал написанное. Сухо. Слишком сухо. Как протокол вскрытия. Но внутри кипело. Где-то под диафрагмой, между желудком и сердцем, пульсировал комок тревоги. Он не имел формы, но имел вес. Каждые полчаса он напоминал о себе — коротким спазмом, как будто внутренний орган сокращался, проверяя, на месте ли я.

Я записал:

«Физические ощущения: давление под ложечкой, периодические спазмы. Тремор пальцев — слабый, но постоянный. Влажность ладоней. Сухость во рту, несмотря на воду. Слух: обострён до паранойи — слышу, как в соседней квартире скрипит половица, как за стеной капает вода, как в подъезде хлопает дверь лифта. Восприятие: мир слишком громкий, слишком резкий, слишком цветной. Мои фильтры сломаны. После месяца стерильной тишины каждый звук — как удар.»

Я отложил ручку. Дневник закрыл. Смотреть на пустые страницы было тяжело — они отражали мою внутреннюю пустоту. Зато пол в прихожей был честным. Он был холодным, твёрдым, шершавым. Я лёг на него щекой, чувствуя каждую пылинку. Закрыл глаза. Внутри — мерцание фосфенов. Зелёные, красные, жёлтые пятна. Как та лампа. Я считал их до ста, потом сбился.

13:00

Обеденное время. В камере сейчас открылся бы люк с супом и котлетой. Я даже вспомнил вкус — чечевица, паровая индейка, пресный хлеб. Съедобно. Функционально. Здесь — я достал последнее яблоко. Откусил половину. Сок потёк по пальцам. Я слизал его — кислый, живой. Вторая половина — на вечер. Экономлю.

Хлеб кончится завтра. Значит, завтра нужно снова идти в магазин. Мысль о повторном выходе вызвала не страх, а тупую, тягучую усталость. Снова одеваться. Снова считать шаги. Снова стоять в очереди, смотреть на чужие лица, слушать звонок колокольчика. Снова при-
творяться нормальным. Я не хотел. Но есть хотелось сильнее.

Я поел. Убрал крошки. Потом лёг на пол и пролежал час без движения, глядя в потолок. На потолке была трещина — тонкая, извилистая, похожая на молнию. Я проследил её взглядом от стены до люстры. Люстра — трёхрожковая, с плафонами в виде цветов. Чужой вкус. Чужая жизнь. Я представил, как прежний хозяин квартиры — тот, кто жил здесь до меня — выбирал эту люстру, вешал её, включал, выключал. Он был нормальным. Он ходил на работу, общался с друзьями, смеялся. Потом он уехал — или умер, или просто сдал квартиру. А теперь здесь лежу я, Образец №9, и считаю трещины на потолке, потому что не могу смотреть в телефон, который молчит.

**В 14:00 я сел
Написал в дневнике:**

«Психическое состояние: диссоциация. Я наблюдаю за собой со стороны. Кто-то — назовём его „прежний Илья“ — лежит на полу в чужой квартире и ест яблоко. А я — настоящий — сижу внутри его головы и веду протокол. Мы разделены. Мы — не одно и то же. Прежний Илья хочет встать, включить телевизор, услышать человеческий голос. Я, наблюдатель, запрещаю — телевизор это шум, а шум маскирует сигналы системы. Я должен слышать телефон. Всегда. Даже во сне. Особенно во сне.»

Закончив писать, я положил ручку на дневник, а дневник — на пол рядом с собой. Глаза слипались. Тело требовало сна — не того тревожного полусна, что был ночью, а глубокого, животного, выключающего сознание. Я позволил себе закрыть глаза. Внутри — мерцание. Снаружи — тишина. Телефон на тумбе — чёрный силуэт. Я уснул.

16:30

Проснулся от звука. Резкого, громкого, металлического. Сердце подскочило к горлу, я сел, ударившись головой о косяк. Звук повторился — и я узнал. Дверной звонок. Кто-то нажал кнопку на лестничной клетке.

Я замер. Звонок прозвенел третий раз — навязчиво, требовательно. Четыре коротких гудка, как в старых квартирах. Потом тишина. Я смотрел на дверь, не двигаясь. Пальцы впились в линолеум. Кто это? Соседи? Белые халаты? Агенты системы? Доставка? Но я ничего не заказывал. У меня нет телефона, чтобы заказывать. Я даже не знаю адреса — точного, с индексом.

Четвёртый звонок — длинный, почти пять секунд. Потом шаги. Удаляющиеся. Тяжёлые, мужские, с волочением. Я слышал, как они прошли мимо моей двери, остановились у лифта, потом — металлический лязг, двери закрылись, и шаги исчезли.

Я выдохнул. Воздух вырвался с хрипом, как из проколотого шара. Руки тряслись. Я прижал их к груди, сжал в замок. Не звонок телефона. Дверной звонок. Чужая ошибка. Или проверка?

Я подполз к двери, прижался ухом к замочной скважине. В неё дуло холодным воздухом и пахло табачным дымом. Тишина. Никого. Я остался сидеть у двери, слушая. Внутренний голос шептал: *«Они проверяют, дома ли ты. Хотят увидеть, как ты реагируешь. Запишут в протокол: „Образец №9 не открыл дверь. Избегает контакта. Стадия — углублённое отчуждение.“»*

Я не открыл. И не открою. Никогда. Если они хотят войти — пусть звонят по телефону. Телефон — их канал. Дверь — моя последняя стена.

18:00

В камере сейчас — ужин. Рыба, рис, брокколи. Я представил запах — пар, белое филе, капля лимона. Сглотнул. Желудок сжался. Доел вторую половину яблока — кожуру тоже, мелко пережёвывая, чтобы обмануть голод. Воды выпил стакан. Не насытился, но перестало сосать под ложечкой.

Стемнело. Я не включал свет. Сидел в полумраке, глядя на телефон. За окном зажглись фонари — жёлтые, ровные, без мерцания. Напротив, в доме через дорогу, загорались окна. В одном — женщина поливала цветы на подоконнике. В другом — мужчина смотрел телевизор, синий свет падал на его лицо. Жизни. Там, за стеклом. Но я смотрел на них, как смотрел бы на аквариумных рыбок — с любопытством, смешанным с отстранением. Они не знают, что я здесь. Не знают, что я наблюдаю. Не знают, что их окна — мои люки в чужую реальность.

Я взял дневник, открыл на новой странице, записал итог дня:

«День 34. Итоги.

Физика: сон недостаточный, питание минимальное. Голод — умеренный. Гигиена — восстановлена. Тремор — сохраняется.

Психика: обострённая бдительность. Звонок в дверь — ложная тревога. Реакция — замирание. Избегание контакта — подтверждённый паттерн.

Восприятие: время потеряло структуру. Без люков и света я существую в хаосе. Попытка создать собственное расписание — частично успешна (гигиена, приёмы пищи). Но внутренний хронометр всё ещё привязан к лабораторному циклу. Я просыпаюсь в 06:00, голодаю в 09:00, 13:00, 18:00. Тело помнит. Мозг — тем более.

Телефон: молчит. Тревога: нарастает. Ожидание звонка стало фоновым шумом, более громким, чем уличный гул.

Завтра: повторный выход в магазин. Запас продуктов на исходе. Необходимо составить список — короткий, чёткий. Минимум контактов. Максимум эффективности.

Вывод: Отчуждение не отступает. Оно меняет форму — от стен к телу, от тела к сознанию. Я больше не в камере. Камера во мне. И я её единственный надзиратель и единственный заключённый.»

Я закрыл дневник. Положил ручку сверху. Встал — ноги затекли, прошёлся шесть шагов до кухни, попил воды. Вернулся. Лёг на пол, спиной к стене, лицом к телефону.

Он молчал. Чёрный, тяжёлый, непроницаемый. Но я знал: в нём спит голос. Он проснётся. Не сегодня, не завтра, но проснётся.

И тогда я услышу: **«Образец №9. Следующий этап.»**

Я закрыл глаза. Под веками мерцали фосфены. Я считал их до ста. До двухсот. Сбился. Уснул с мыслью о том, что завтра придётся выйти.

День 34 закончился. Ничего не произошло. Но ожидание события стало самим событием.

— Запись завершена в 22:15 по внутренним часам. Свет не включал. Телефон молчал. Спать — на полу, подложив под голову пакет с хлебом. Завтра — магазин. Завтра — новый день в эксперименте, который никогда не закончится.

ДЕНЬ 35. ПОВТОРНЫЙ ВХОД

Телефон всё ещё молчит. Хлеб на исходе.

05:30

Проснулся от холода. Не от звука, не от света — от того, что зубы начали выбивать дробь, а тело свело судорогой. Пол в прихожей ледяной, сквозняк из-под двери дул прямо в спину. Я лежал на боку, поджав колени к животу, и дрожал. Озноб был не болезненным — механическим. Тело просто не могло согреться, потому что ночью я не укрылся. В камере был тонкий, но одеяло. Здесь — только моя лабораторная рубашка и куртка, которую я накинул поверх перед сном. Недостаточно.

Я сел, растирая плечи ладонями. Кожа горела — тёртая, чувствительная. В темноте прихожей я нашарил пакет с хлебом — пустой. Буханка кончилась вчера вечером. Осталась только половина бутылки воды и кожура от яблока, которую я спрятал в карман, чтобы потом выбросить. Запасы на нуле.

В камере я бы сейчас ждал завтрака. Люк откроется ровно в 09:00, и на подносе будет овсянка, хлеб и груша. И вода. Всегда вода. Здесь — тишина, холод и пустой пакет. Телефон молчит. Система не кормит. Я должен решать сам.

Встал. Ноги слушались хуже, чем вчера — мышцы затекли от долгого лежания на твёрдом. Прошёлся по прихожей — три шага, разворот, три обратно. Повторил шесть раз. Тело разогрелось, дрожь утихла. Потом зашёл в ванную, умылся ледяной водой, почистил зубы чужим тюбиком пасты. Мятный вкус — резкий, почти химический — обжёг нёбо. Я сплюнул в раковину, долго полоскал рот. Вода текла, капала, не закручивалась в ровную струю. Хаос.

Посмотрел в зеркало. Глаза — красные, с мелкими прожилками. Под глазами — синие полумесяцы, глубже, чем вчера. Лицо осунулось, скулы торчат, кожа серая. Я провёл пальцами по щеке — шершаво, небрито. Вчера брился, но щетина отрастает быстро. Как всё живое. Как мир за стенами. Он растёт, движется, меняется, а я стою на месте. Или падаю.

Я взял электробритву — зажужжала, на этот раз увереннее, батарея ещё держалась. Провёл по лицу, собирая волоски. Наблюдал, как они падают в раковину. Мелкие, чёрные. Часы на стене — круглые, с римскими цифрами — показывали 06:15. Я не верил им. Стрелки могли врать. В камере время было абсолютным — свет и тьма, люк и еда. Здесь — часы, которые я не заводил, батарейки, которые садятся. Всё ненадёжно.

07:00

Я составил план. Мысленно, не записывая — бумага кончалась, дневник почти заполнен. План был прост: одеться, взять деньги, выйти, дойти до магазина, купить хлеб, воду, яблоки, вернуться. Минимум контактов. Максимум скорости. Не смотреть по сторонам, не отвечать на вопросы, не задерживаться. Войти, взять, заплатить, выйти.

Но тело сопротивлялось. Я стоял посреди прихожей в трусах и лабораторной рубашке, и не мог заставить себя надеть джинсы. Джинсы — чужие, жёсткие, с чужой жизнью в карма-

нах — зажигалкой, которую я не курил, чеком из магазина, где я не был. Я вытряхнул всё на пол. Зажигалка — красная, дешёвая. Чек — продуктовый, датированный числом, которого я не помнил. Клочок бумаги с телефонным номером, написанным карандашом. Чужой почерк, чужие цифры. Я не знал, кому принадлежит этот номер. Может быть, предыдущему жильцу. Может быть, одному из них. Я спрятал номер в карман лабораторной рубашки — на всякий случай.

Оделся медленно, как в скафандр. Джинсы — натянул через силу, пуговица еле застегнулась — похудел за месяц? Или чужая одежда просто сидит иначе? Кофта — шерстяная, колючая. Свитер — слишком тёплый для этого сезона, какой бы он ни был. Куртка — на молнии, с капюшоном. Я натянул капюшон, завязал шнурки, спрятав лицо в тень. Деньги — в левый карман джинсов, мелочь — в правый. Ключи — в руку. Холодный металл, три железных зуба. Я сжал их, почувствовал боль — хорошо.

Дверь. Я открыл её, шагнул в подъезд. Лампы под потолком — две из трёх работали, треть мигала. Мерцание. Я посмотрел на неё — четыре секунды горит, секунда темноты. Ритм. Почти как в камере. Я закрыл дверь, запер на ключ. Проверил дважды — замок щёлкнул. Теперь внутрь не войти. Только я могу. И они — если у них есть ключ. Но у них, наверное, есть. У них есть всё.

Лестница

Спускался медленно, считая ступени. Первый пролёт — восемь ступеней. Площадка. Второй — ещё восемь. Потолок ниже, лампочка на стене — без мерцания, но тусклая, жёлтая. Пахнет кошками и старой краской. Где-то на третьем этаже за дверью играла музыка — глухо, басы вибрировали в стенах. Я чувствовал вибрацию ступнями. Ритм. Чужой, но ритм. Я прислушался — там, внутри квартиры, кто-то жил. Жил нормальной жизнью. Включал музыку, завтракал, спорил, смеялся. Не сидел на полу в прихожей, слушая телефон.

На втором этаже — та же женщина с сумками. Вчерашняя. Она выходила из квартиры, закрывала дверь, возилась с ключами. Увидела меня, кивнула.

— Доброе утро, — сказала. Голос с хрипотцой, как у курящих.

Я кивнул в ответ. Не ответил. Горло сжалось, слова не вышли. Она посмотрела на меня странно — на секунду дольше, чем нужно. Потом пожала плечами и пошла вниз, цокая тапочками по плитке.

Я замер. Она заметила. Что-то не так. Мой кивок был слишком резким? Взгляд — слишком пустым? Или она просто соседка, которая не привыкла к новым лицам? Или агент? Вчера её не было. Сегодня — появилась. Дважды за два дня — совпадение? В камере совпадений не было. Всё — часть протокола.

Я спустился дальше, считая ступени, но сбился на двадцать седьмой. Начал заново. Сбился снова. Бросил.

Улица

Дверь подъезда — тяжёлая, металлическая, с доводчиком. Я толкнул — она открылась медленно, со стоном. Снаружи — серое небо, мелкий дождь. Не ливень, а морось — всякая вода, оседающая на лице, на куртке, на ресницах. Холодно. Влажно. Я натянул капюшон глубже, спрятал руки в карманы.

Магазин через дорогу. Витрина — мокрая, с разводами. Внутри — свет, люди, движение. Я смотрел на дверь, на колокольчик над ней, на вывеску с синими буквами. «Продукты». Банальное слово. В камере не было вывесок. Только гладкие стены и люк.

Переход — не по зебре, напрямую. Машин мало, дождь их замедлил. Я пересёк дорогу в десять шагов. Остановился перед дверью магазина. Колокольчик звякнул — кто-то вышел, женщина с тележкой, полной пакетов. Она толкнула дверь, и звон прозвучал снова — резко, нервно. Я ждал, пока дверь закроется, потом вошёл.

Звякнуло. У меня дёрнулась шея — рефлекс. Как у собаки Павлова, только звонок — не предвестник еды, а вход в клетку. Магазин — новая клетка. Светлая, шумная, населённая.

Магазин

Внутри — тепло. Слишком тепло после уличной сырости. Пар от одежды поднялся, затуманил глаза. Я остановился у входа, проморгался. Запахи — хлеб, кофе, колбаса, сыр, моющее средство — всё смешалось в один густой, приторный коктейль. Голова закружилась. Я прислонился к стене — холодная плитка, как в камере. Хорошо.

План. Хлеб. Вода. Яблоки. Больше ничего. Не смотреть на другие полки, не отвлекаться. Я пошёл вдоль стены, как вчера, держась за неё рукой. Плитка, пластик, дерево. Стеллажи с хлебом — вчерашние полки. Я взял две буханки — серую и чёрную. Ржаной и пшеничный. В камере давали серый, иногда чёрный. Две — чтобы хватило на три дня, чтобы не выходить завтра. Вода — четыре бутылки, по полтора литра. Тяжело. Я взял корзину, поставил туда. Яблоки — красные, крупные, с восковым налётом. Пять штук. Ещё — бананы. Жёлтые, с зелёными кончиками. В камере бананы были редко — событие. Здесь — просто фрукты. Я взял гроздь.

Корзина оттягивала руку. Я пошёл к кассе, но на полпути остановился. Перед глазами — отдел с мясом, колбасами, сырами. Запах копчёностей ударил в нос, слюна набежала. В камере мяса было мало — курица, индейка, говядина, без специй, без жира. Здесь — копчёная колбаса, красная, с жирными вкраплениями. Я смотрел на неё, и рука потянулась сама. Взял батон, положил в корзину. Потом сыр — жёлтый, твёрдый, в вакуумной упаковке. Нарушение. В плане не было колбасы и сыра. Но организм требовал — не топлива, а вкуса. Настоящего, человеческого вкуса. Я не остановил себя.

Очередь на кассу — три человека. Я встал за спиной мужчины в рабочей куртке, пахнувшего бензином и потом. Он переминался с ноги на ногу, бросал мелочь на ленту. Кассир — та же девушка с розовыми волосами. Сегодня её волосы были собраны в пучок, открывая шею с маленькой татуировкой — бабочка. Я смотрел на бабочку, пока она не начала шевелиться. Наваждение. Просто чёрная краска на коже.

— Здравствуйте ещё раз, — сказала она, когда моя очередь дошла. Улыбнулась. Широко. Глаза — серые, с длинными ресницами. Крашенные? Или настоящие? Она меня запомнила. Вчера я был здесь. Сегодня — снова. Новый клиент, который покупает хлеб, воду и яблоки. И вдруг — колбасу с сыром. Отклонение от паттерна. Зафиксирует ли она? Передаст ли дальше?

— Здравствуйте, — ответил я. Голос — хриплый, но ровный. Я тренировался перед выходом — повторял «здравствуйте, пакет не нужен, спасибо, до свидания». Как актёр перед сценой.

Она пробивала товар, пальцы бегали по кнопкам. Сканер пищал — высокий, короткий звук. Каждый писк — удар по нерву. Я сжимал край корзины, ждал.

— Двести тридцать семь, — назвала сумму.

Я достал деньги — две купюры, протянул. Она взяла, дала сдачу — три монеты и бумажка. Я положил всё в карман, не глядя.

— Пакет нужен? — спросила.

Я покачал головой. Схватил пакеты — продукты рассыпались, пришлось перекладывать. Две буханки в один пакет, бутылки — в другой, фрукты и колбаса — в третий. Я сгрёб всё в охапку, повернулся к выходу.

— До свидания, — сказала она. Снова улыбка.

Я не ответил. Вышел. Колокольчик звякнул.

Улица. Дождь

Морось усилилась. Капли падали на пакеты, на куртку, на лицо. Я шёл быстро, почти бежал, прижимая покупки к груди. Пакеты шуршали, бутылки стукались друг о друга. Звуки — влажные, приглушённые дождём. Пересёк дорогу — машина затормозила, водитель посигналил, я не обернулся.

Подъезд. Дверь тяжелая, мокрая, ручка скользкая. Я толкнул, вошёл. Внутри — тихо, пахнет сыростью и табаком. Лампы мигают — та же третья. Я не смотрел на неё. Только вверх, по лестнице, считая ступени. Восемь, восемь, восемь. Не сбился. Дверь квартиры, ключ, замок щёлкнул — дважды, проверял. Задвижка. Я закрылся.

Сполз по двери на пол. Пакеты упали рядом, покатались бутылки. Я сидел, прижавшись спиной к твёрдому дереву, и дышал. Часто, поверхностно, как после забега. Сердце колотилось где-то в горле. Пот, несмотря на холод, выступил на лбу. Я вытер его рукавом.

Победа. Я вышел. Купил. Вернулся. Никто не схватил, не спросил, не остановил. Социум проглотил меня ещё раз, переварил и выплюнул обратно — целым, но сжатым.

Квартира. Разбор

Я разложил покупки на полу в прихожей — аккуратно, как в камере раскладывали подносы. Хлеб — справа, вода — слева, фрукты — в центр, колбаса с сыром — отдельно, как

нарушение, как контрабанда. Я смотрел на них, и внутри поднималось что-то тёплое, почти радостное. Вкус. Запретный вкус. Я отрезал кусок колбасы — ножом, который помыл после вчерашнего — и положил в рот. Жирный, солёный, копчёный, с перчинкой. Язык взорвался — столько месяцев пресной каши, безвкусного супа, варёного мяса. А здесь — колбаса. Человеческая еда. Я съел ещё кусок, потом ещё. Сыр — твёрдый, с лёгкой горчинкой. Хлеб — мягкий, с хрустящей коркой. Я устроил пир на полу, в прихожей, под взглядом чёрного телефона.

Потом остановил себя. Нельзя. Порции должны быть нормированы. Иначе нарушится пищеварение, нарушится сон, нарушится всё. Я убрал колбасу и сыр в пакет, завязал узлом, положил в самое холодное место — на подоконник, за штору. Вода и хлеб — в угол прихожей, рядом с ковриком. Фрукты — на стол в кухне.

Ритуал завершён. Система — самодельная, хрупкая — снова заработала.

13:00

Обед. Я съел два ломтя хлеба с сыром, запил водой. Вкус сыра был таким ярким, что слезились глаза. Я жевал медленно, чувствуя, как жир обволакивает нёбо, как соль щиплет язык. В камере еда была функцией. Здесь — наслаждением. И это пугало. Наслаждение — это привязка. Привязка к миру, который не мой. Если я привыкну к колбасе, я захочу её снова. Если я захочу, я буду выходить в магазин чаще. Если я буду выходить чаще, я стану частью социума. А если стану частью — перестану быть Образцом №9. Предам эксперимент. Предам себя.

Я отодвинул тарелку. Достал дневник. Записал:

«День 35. Повторный выход. Успешно. Закуплено: хлеб (2 буханки), вода (4 бут.), яблоки (5 шт.), бананы (6 шт.), колбаса копчёная (200 г), сыр (150 г). Нарушение плана — спонтанная покупка деликатесов. Причина: сенсорный голод. Психологическая интерпретация: попытка компенсировать отсутствие контроля в других сферах через оральное удовлетворение. Риск: привыкание к пищевым стимулам, увеличение частоты выходов, повышение вероятности обнаружения агентами.»

Колокольчик на двери магазина — условный рефлекс закрепился. Тело реагирует на звонок напряжением мышц шеи и учащением пульса. Не путать с рефлексом на люк (слюноотделение). Теперь два стимула — два ответа. Павлов бы гордился.

Телефон молчит. Я жду. Сегодня — 35-й день эксперимента. Первая фаза (камера) — 31 день. Вторая фаза (социум) — 4 дня. Прогноз: фаза продлится до звонка. Звонок может быть никогда. Прогноз неопределён. Продолжаю наблюдение.»

18:00

В камере сейчас ужин. Я вспомнил запах рыбы на пару, белое филе, рис. Желудок сжался — не от голода, от ностальгии. По той еде, которую не нужно было покупать. По той жизни, где каждый приём пищи был предсказуем.

Я поел снова — два ломтя хлеба с маслом, которого не покупал, но нашёл в холодильнике. Чужое масло, в жёлтой обёртке, с надписью «Крестьянское». Пахло сливками и чужой жизнью. Я намазал тонким слоем, откусил. Хорошо. Слишком хорошо.

Потом лёг на пол, свернувшись калачиком. Телефон на тумбе. Дневник под головой — вместо пакета. Ручка в руке — на всякий случай, чтобы записать мысль, если придёт.

Мысль пришла...

«Я больше не хочу возвращаться. Не в камеру — туда нельзя. Не в социум — он чужой. Я хочу в ту точку между, где нет ни стен, ни людей, ни телефонов. Где есть только я и мои мысли. Но эта точка исчезла, как только я переступил порог лаборатории. Теперь есть только „до“ и „после“. Я застрял в „после“. И оно длится вечность.»

Я закрыл глаза. Дождь за окном усилился, барабанил по подоконнику, по стеклу, по крыше. Монотонный шум — почти как шипение вентиляции. Почти. Я слушал его, засыпая. Телефон молчал. Система безмолвствовала.

Но я знал: они смотрят. Через дождь, через стены, через телефонную трубку. Они видят, как я ем колбасу на полу, как пишу дневник, как сворачиваюсь калачиком. И записывают.

День 35 закончился. Завтра — снова. Встать, умыться, поесть, выйти или не выйти? Решать мне. Но выбор — тоже часть эксперимента.

Они проверяют, что я выберу. И когда решу — зазвонит телефон.

— Запись сделана в темноте, при свете уличных фонарей. Бумага пахнет колбасой и сыром. Ручка почти пустая. Дневник почти полон. Я почти готов. К чему — не знаю.

ДЕНЬ 36. ЗЕРКАЛЬНЫЙ ЛАБИРИНТ

Колбаса и сыр ещё есть. Телефон продолжает молчать

05:15

Проснулся раньше обычного. Не от холода — на этот раз я догадался надеть две кофты и укрыться курткой. Не от звука — дождь за окном стих, и повисла та самая зыбкая тишина, которая бывает перед рассветом, когда даже город замирает, набирая воздух для нового дня. Проснулся от того, что внутри, под рёбрами, заворочалось что-то тяжёлое, живое. Беспокойство. Оно спало вместе со мной, а теперь открыло глаза.

Я лежал на полу, глядя в потолок. Трещина, которую я изучил вчера, сегодня казалась длиннее. Или это свет — уличный фонарь ещё не погас, и его жёлтый луч падал на потолок под другим углом, вытягивая тени. Я проследил трещину от стены до люстры. В камере на потолке не было трещин. Там всё было гладким, стерильным, нерушимым. Здесь — каждая поверхность несла на себе следы времени. Чужие следы. Я — лишь один из многих, кто лежал на этом полу, смотрел на эту трещину, слушал этот телефон.

Телефон. Я повернул голову. Чёрный силуэт на тумбе. В полумраке он казался больше, чем днём. Трубка — как притаившийся зверь. Я ждал, что она зазвонит. Она не зазвонила. Но в моей голове уже звучал этот звонок — резкий, электрический, требовательный. Я прокручивал его снова и снова, как пластинку с заеданием. Звонок. Пауза. Голос. Звонок. Пауза. Голос. Мозг насиловал сам себя этим ожиданием.

Сегодня — 36-й день эксперимента. 5-й день в социуме. 5 дней без единого указания. 5 дней свободы, которая ощущается как брошенность.

Я сел. Ноги сами привели меня в ванную. Включил свет — лампочка моргнула один раз, потом загорелась ровно. Моргнула. Я запомнил. Это может быть сигналом. В камере мерцание лампы стало началом сбоя, который привёл к панике, паранойе и Дну. Здесь мерцание — возможно, тоже знак. Но чего? Что лампа умирает? Или что система снова даёт сбой? Или что я сам — лампа, которая перегорает?

Умылся ледяной водой. Посмотрел в зеркало. Моё отражение смотрело на меня с тем же выражением, что и вчера — пустым, выцветшим. Но сегодня мне показалось, что оно движется с задержкой. Я поднял правую руку — отражение подняло левую. Всё правильно. Но пауза между моим движением и его движением была — микроскопическая, почти незаметная, но она была. Я замер. Отражение замерло тоже. Я моргнул — оно моргнуло синхронно. Я выдохнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.